

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47):050"18" +052.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.4.168–175

Женщина-издательница в публичном дискурсе второй половины XIX в.: механизмы категоризации и границы профессионализа- ции (часть 1)¹

П.А. Пелягина

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование феномена женщин-издательниц в Российской империи второй половины XIX века раскрывает механизмы формирования дискурсивных границ их профессиональной деятельности. На основе статистики, периодики и архивных материалов анализируется процесс категоризации, последовательно связывавший издательский труд с писательским. Концептуальная рамка объединяет теорию категоризации Р. Брубейкера и концепцию символического насилия П. Бурдьё. Дискурсивный анализ показывает, как нарративы легитимации и критики определяли социальные границы роли издательниц. Признание прежде всего получала деятельность в традиционных «женских» сферах. В исследовании рассматриваются как общие представления современников об издательницах, так и частные примеры.

Ключевые слова: издательницы, публичный дискурс, Российская империя, XIX в., категоризация, профессиональный статус, периодическая печать, писательницы, статистика.

Введение. В позднеимперский период издательское дело становится одним из социально допустимых и институционально закрепленных направлений для женщин. Женщины издавали книжные и периодические издания – от детской литературы до общественно-политической прессы.

В 1850–1900 гг. в стране насчитывалось около 1900 журналов и газет – почти в четыре раза больше, чем за предыдущие полтора века². Точное число всех издателей периодики этого периода – мужчин и женщин – неиз-

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге Ю.А. Сафронова.

² Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Пг., 1915. С. 116–768.

вестно, но среди них было как минимум 100 издательниц³. Они составляли скромную часть издательского ландшафта, но не растворялись в нём, а напротив, выделялись в отдельную категорию, которой приписывались как добродетели (особое чувство языка), так и пороки (несдержанность, дилетантизм). Участие издательниц в политической жизни оценивалось в зависимости от личных взглядов субъекта оценивания.

Закрепление роли осуществлялось «сверху»: как через категоризацию в официальной статистике и административную идентификацию институтами власти⁴, так и через дискурсивное воздействие носителей символической власти – представителей прессы, находившейся под цензурным контролем, создававшей преимущественно мужчинами и выступавшей инструментом символического насилия как навязывания доступных форм социального действия⁵.

Цель статьи – выявить механизмы категоризации издательниц и конструирования их образа. Из этого вытекают задачи: проследить динамику внешней идентификации; охарактеризовать контекст женского включения в печатную сферу; проанализировать дискурсивные практики, а именно – способы легитимации и критики, через которые определялись рамки допустимого участия женщин в издательском деле.

Формирование категории издательниц: институциональные механизмы и социальный контекст. В официальной статистике издательницы впервые появились в 1869 г. По итогам петербургской переписи, организованной статистическим комитетом МВД, издательницы были отнесены к категории «писательницы, переводчицы и издательницы» (всего 40 человек, точное количество последних не уточняется)⁶. Издатели-мужчины также были «встроены» в широкую категорию – «писатели, журналисты, переводчики и издатели» (262 человека)⁷.

Проведение переписей совпало с изменениями в самой отрасли. До 1861 г. издательская деятельность чаще всего была побочным занятием книготорговцев, пока им на смену не пришли профессиональные издатели-капиталисты⁸. Этот сдвиг отразился и в статистическом учёте: в 1881 г. в столичной переписи появились «издатели газет и журналов» (58 мужчин и 8 женщин)⁹. К 1900 г. их число выросло до 75 мужчин и 10 женщин¹⁰.

³ Farris J. P., et al. Checklist of Women Journalists in Imperial Russia // *An Improper Profession: Women, gender, and journalism in late imperial Russia*. Durham, London, 2001. Pp. 281–310.

⁴ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

⁵ Бурдые П. Практический смысл. М.; СПб., 2001.

⁶ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.: В 3 вып. СПб., 1875. Вып. 3: Распределение жителей Санкт-Петербурга (исчисленных поименно) по промыслам, занятиям и другим родам средств существования. С. 86.

⁷ Там же. С. 76.

⁸ Баренбаум И.Е. Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003.

⁹ Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1881 г.: В 2 т. СПб., 1884. Т. 1: Население. Ч. 2: Состав населения по занятиям. С. 306.

Данные по раннему периоду показывают, что вплоть до 1860-х гг. издательская деятельность женщин была эпизодической. В 1840-е гг. работали две издательницы периодики – А.О. Ишимова и Е.Ф. Сафонова; в первой половине 1850-х гг. – четыре (А.О. Ишимова, Е.Ф. Сафонова, С. Лунд, О.Г. Рюмина); в 1855–1860 гг. – также четыре (М. Станюкевич, Е.Ф. Сафонова, С.П. Бурнашева, Н.В. Утилова). Наиболее устойчивые проекты вели Ишимова и Сафонова; прочие издания были краткосрочными (1–3 года)¹¹.

Справочные издания второй половины века воспроизводили гендерную классификацию. В «Библиографическом словаре русских писательниц» фигурировали, например, А. Лоди и Е.С. Баллина, которые не публиковали собственных текстов, но издавали книги¹². Их присутствие в словаре писательниц никак не объясняется, но при этом встраивается в общее представление о женщинах, причастных к «производству слова». Аналогичных справочников мужчин не возникало: их существование воспринималось как норма и не нуждалось в специальной фиксации.

В «Сборнике отделения русского языка и словесности», несмотря на отдельный список «издательниц и редакторш», издательницы также включены в категорию «писательниц», которым был посвящён целый том¹³. Кроме того, в сборнике выделялись «содержательницы книжных магазинов и издательницы книг», воспроизводя свойственное первой половине века слияние этих ролей. Подобные списки повышали видимость женщин в печати, однако препятствовали признанию издательского труда как самостоятельной профессиональной стратегии.

В 1881 г. в журнале мод «Новый русский базар» отдельным списком были представлены 11 издательниц¹⁴. Публикация вышла в рубрике «Хроники женского дела», что смещало акцент на повестку «женского вопроса» и подчеркивало автономность этой роли. Однако влиятельная традиция слияния категорий поспособствовала тому, что издательниц до сих пор продолжают включать в более широкие категории – журналисток¹⁵ или «посредниц литературы» наряду с переводчицами и редакторшами¹⁶.

Прочная связь издательниц и писательниц объясняется дискуссиями XIX в. о допустимых для женщин формах участия в «производстве слова». На рубеже XVIII и XIX вв. женщине, прежде всего, предлагалась роль читательницы — «хранителя вкуса», проводника между писателями и публикой. Дискурс об особом чувстве языка восходит к французской салонной

¹⁰ Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г.: В 3 т. СПб., 1903. Т. 2: Распределение населения по занятиям. С. 146.

¹¹ Farris J. P., et al. Op. cit. P. 281–310.

¹² Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.

¹³ Пономарев С.И. Наши писательницы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1891. Т. 52. № 7.

¹⁴ Новый русский базар. 1881. № 44. С. 436.

¹⁵ Farris J. P., et al. Op. cit. P. 281–310.

¹⁶ Blinova O. Liste des éditrices et rédactrices en chef de la presse périodique russophone dans l'Empire russe, 1763–1890 // Slovo. 2024. Les médiatrices de la littérature russe. Le XIXe siècle. Hors-série (1). P. 189–253.

культуре, где именно женщинам приписывался навык «вежливого разговора» и умение формировать тон общения¹⁷. «Трудолюбивые умы вымышляют, пишут... женщины, читая их, научаются чистоте и правильности языка; но сей язык, проходя чрез уста их, становится яснее, глаже, приятнее, слаще», – говорил писатель А.С. Шишков, открывая литературное общество «Беседа любителей русского слова»¹⁸.

Уже в начале века женские журналы, издававшиеся мужчинами, призывали читательниц к сочинительству¹⁹. В 1830–1840-е гг. развернулась дискуссия о «женском письме»: одна сторона призывала писательниц скрывать чувства за изображением светской жизни, а другая отстаивала право женщины на прямое самовыражение в творчестве²⁰, подготавливая почву для появления первых издательниц. Так, в 1830–1840-х гг. Е.Ф. Сафонова уже выпускала журналы о моде и шитье, а А.О. Ишимова – детские журналы; обе работали в рамках «женских» тем, но вместе с тем осваивали новую публичную роль.

Ещё в начале века женщина часто выступала организатором чтения дочерей²¹, а иногда и сыновей²². Благодаря этому литература для детей воспринималась как продолжение привычной частной практики и стала наиболее легитимной областью.

Опыт женщин, взрослых в эпоху романтизма, придавал вопросу о «женщине и книге» дополнительное измерение. «Мужчинам нравилось... чтобы женщина, читая стихи, уносилась душой куда-то вдаль – в мир более идеальный, чем тот, который её окружает», – писал Ю.М. Лотман об устойчивом образе читательницы тех лет²³. Т.П. Пассек, основательница журнала «Игрушечка», вспоминая свою юность, воспроизводила нарратив о «мечтательной» и «воображающей» читательнице, невольно признавая, что была воспитана в этой манере²⁴.

Уже в первой четверти XIX в. в этот нарратив могла быть вписана сама Екатерина II, прообраз издательницы, фактическая руководительница журнала «Всякая всячина» (1769–1770). В мемуарах 1819 г. фрейлина

¹⁷ Bernstein L. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // *Russia—Women—Culture*. Bloomington; Indianapolis, 1996.

¹⁸ Шишков А.С. Речь при открытии Беседы любителей русского слова // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб., 1825. Ч. 4. С. 144.

¹⁹ Нестеренко М. Розы без шипов. Женщины в литературном процессе России начала XIX в. М., 2022. С. 24, 44.

²⁰ Савкина И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг.). Wilhelmshorst, 1998. С. 18.

²¹ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918. М., 2011. С. 66.

²² См., напр.: Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной, 1813–1852. М., 2009.

²³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 53.

²⁴ Воспоминания Т.П. Пассек «Из дальних лет»: В 3 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 187.

В. Н. Головина в критическом ключе объясняла интерес императрицы к трудам философа-скептика П. Бейля «воспламененным воображением»²⁵.

К середине столетия «чувствительность», позволявшая женщинам быть мерилom чистоты языка, в педагогических кругах воспринималась как проблема²⁶, которая могла трактоваться как признак непригодности для руководства в области печати. Следствием этого, возможно, является и то, что в «Истории Екатерины Второй» А. Г. Брикнера – первой фундаментальной работе об императрице – её издательская деятельность оставлена за скобками²⁷.

Ранний прецедент женского издательского проекта в России после Екатерины II относится к 1806 г., когда М.Н. Макаров, издатель женских журналов, мистифицировал проект – женский журнал «Амур» – и приписал инициативу его создания вымышленным писательницам, хорватским княжнам Е. Трубецкой и А. Безниной²⁸. Русифицированное имя издательницы «Амура» – княжна Елизавета Трубецкая – совпало с именем московской аристократки, что вызвало недоумение в высшем свете²⁹: идея о журнале, издаваемом русской знатной особой, была немыслима для начала XIX в.

Конструирование образа иностранок как образа «другого» позволяло обществу дистанцироваться от идеи женского издательства, одновременно допуская её в своё дискурсивное поле³⁰. За дискуссией о заграничных прецедентах проступала тревога перед расширением женских ролей и выходом издательниц в публичное пространство.

Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1837 г. в сообщении о заседании французской Палаты депутатов подчёркивалось выступление издательницы «*Gazette des Femmes*» М.П. де Мошан: вызвав всеобщий смех, она требовала отменить статью Гражданского уложения, предписывавшую жене повиноваться своему мужу³¹. Указание на род деятельности здесь используется как маркер, позволяющий перевести обсуждение правовых вопросов в плоскость насмешки над «неподобающей» социальной ролью; руководство де Мошан женским изданием могло восприниматься как вызов мужской дискурсивной монополии.

«Санкт-Петербургские ведомости» благожелательно отзывались о француженке, издававшей рукописную газету «*Le Secours*» в пользу бедной семьи. Поддержка других благотворительных особ увеличила число подписчиков, что позволило перейти к литографированию издания³². Ключе-

²⁵ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 70.

²⁶ *Аппельрот Г.* Образование женщины среднего и высшего состояний // Отечественные записки. 1858. № 21. С. 677.

²⁷ *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. СПб., 1885.

²⁸ *Ершова В.Н.* «Журнал для милых». Из истории женских журналов в России в начале XIX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 32.

²⁹ Там же.

³⁰ См., напр.: *Hokanson K.* Writing at Russia's Borders. Toronto, 2008.

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1837. № 122. С. 2.

³² Там же. 1847. № 273. С. 1.

вым фактором одобрения стало соответствие представлениям о «естественной» женской роли, предполагающей заботу и милосердие; подчеркивалась дистанция от капиталистических механизмов производства. Одобрение получили и польские издательницы, формально не выходявшие за рамки «женских» тем: И. Видулинская («Магазин мод» – мода), П. Краков («Подснежник» – дети), Э. Земенцкая («Пиллигрим» – религия)³³. Характерно, что издательницы вновь перечислялись наряду с писательницами, что подтверждало устойчивую связь этих категорий.

Позднее критике подвергалась чрезмерно коммерческая или публичная деятельность. Критик А.В. Дружинин высказывался об английских издательницах кипсеков – дорогостоящих иллюстрированных изданий. Используя ярлык «синий чулок», он ставил их в один ряд с претенциозными писательницами и публицистками, как, например, Ф. Троллоп, скандальная репутация которой сложилась на фоне выхода книги о нравах американцев «Domestic Manners of the Americans» (1832) и последовавшей публичной полемики. Возмущение, прежде всего, вызывала готовность издательниц публично защищать коммерческие интересы: «Кто начинает печатно ругаться, едва одно из лиц, приглашенных к сотрудничеству, не выполняет своих обязательств? Синие чулки – издательницы кипсеков»³⁴.

Таким образом, несмотря на формальное признание деятельности издательниц в официальной статистике и справочной литературе второй половины века, издательниц систематически объединяли с писательницами, отказывая им в самостоятельном профессиональном статусе. Эта ситуация уходила корнями в начало столетия, когда сама идея женского участия в издательском деле встречала активное сопротивление и считалась неприемлемой для русской аристократии. Инструментом дискредитации становился негативный образ иностранной издательницы.

Список литературы:

1. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 408 с.
2. Баренбаум И.Е. Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003. – 439 с.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Бурдые П. Практический смысл. М.; СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
5. Ершова В.Н. «Журнал для милых». Из истории женских журналов в России в начале XIX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 29–43.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. – 481 с.

³³ Денница. 1842. № 2. С. 28.

³⁴ Дружинин А.В. Письма об английской литературе // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. СПб., 1865. С. 275–378.

7. Нестеренко М. Розы без шипов. Женщины в литературном процессе России начала XIX в. М.: НЛЮ, 2022. — 280 с.
8. Савкина И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг.). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 с.
9. Bernstein L. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // *Russia—Women—Culture*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1996. Pp. 209–224.
10. Blinova O. Liste des éditrices et rédactrices en chef de la presse périodique russophone dans l'Empire russe, 1763–1890 // *Slovo*. 2024. Les médiatrices de la littérature russe. Le XIXe siècle. Hors-série (1). Pp. 189–253.
11. Farris J. P., et al. Checklist of Women Journalists in Imperial Russia // *An Improper Profession: Women, gender, and journalism in late imperial Russia*. Durham, London: Duke University Press, 2001. Pp. 281–310.

Об авторе:

ПЕЛЯГИНА Полина Андреевна – аспирант, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А); e-mail: peliagina@eu.spb.ru

The Woman Publisher in the Public Discourse of the Second Half of the 19th Century: Mechanisms of Categorisation and Limits of Professionalisation (part 1)

P.A. Peliagina

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

This study examines the phenomenon of women publishers in the Russian Empire during the second half of the 19th century, analyzing the mechanisms that established the discursive boundaries of their professional activity. Drawing on statistical data, periodicals, and archival records, the research traces a process of categorization which systematically associated publishing with literary work. The conceptual framework integrates R. Brubaker's theory of categorization and P. Bourdieu's concept of symbolic violence.

Discursive analysis reveals how narratives of legitimacy and criticism defined the social boundaries of the female publisher's role. Public recognition was granted primarily to activities within traditional 'feminine' spheres. The investigation considers both contemporary public perceptions of these women and specific individual cases.

Keywords: *women publishers, public discourse, Russian Empire, 19th century, categorization, professional status, periodical press, women writers, statistics.*

About the author:

PELIAGINA Polina Andreevna – postgraduate student, Department of History, European University at St. Petersburg 191187, Russia, St. Petersburg, ul. Gagarinskaya 6/1A); e-mail: ppeliagina@eu.spb.ru

References:

- Abrams L. *Formirovanie evropeiskoi zhenshchiny novoi epokhi, 1789–1918*, M., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. — 408 s.
- Barenbaum I. E. *Knizhnyi Peterburg. Tri veka istorii: Ocherki izdatel'skogo dela i knizhnoi trgovli*, SPb., Kul'tInformPress, 2003. — 439 s.
- Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp*, M., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. — 408 s.
- Burde P. *Prakticheskii smysl*, M.; SPb., Aleteiya, 2001. — 562 s.
- Ershova V. N. «Zhurnal dlya milykh». *Iz istorii zhenskikh zhurnalov v Rossii v nachale XIX v.*, Vestnik RGGU, 2008, № 11, S. 29–43.
- Lotman Yu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)*, SPb., Iskusstvo — SPb, 1994. — 481 s.
- Nesterenko M. *Rozy bez shipov. Zhenshchiny v literaturnom protsesse Rossii nachala XIX v.*, M., NLO, 2022. — 280 s.
- Savkina I. L. *Provintsialki russkoi literatury (zhenskaya proza 30–40-kh gg.)*, Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 s.
- Bernstein L. *Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century, Russia—Women—Culture*, Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 1996, Pp. 209–224.
- Blinova O. *Liste des éditrices et rédactrices en chef de la presse périodique russophone dans l'Empire russe, 1763–1890*, Slovo, 2024, Les médiatrices de la littérature russe. Le XIXe siècle, Hors-série (1), Pp. 189–253.
- Farris J. P., et al. *Checklist of Women Journalists in Imperial Russia, An Improper Profession: Women, gender, and journalism in late imperial Russia*, Durham, London, Duke University Press, 2001, Pp. 281–310.

Статья поступила в редакцию 23.08.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.